

Ф. Сологуб

Слепая бабочка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С60

С60 **Сологуб Ф.К.**
Слепая бабочка / Ф. Сологуб – М.: Книга по Требованию, 2021. – 127 с.

ISBN 978-5-517-83470-6

Слепая бабочка.

ISBN 978-5-517-83470-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЖЕНА УМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

I.

Когда Николаю Ивановичу Складневу исполнилось тридцать лѣтъ, онъ нашелъ, что ему чего-то не достаетъ. Обдумавши внимательно свое положеніе холостого человѣка, получающаго достаточное и на двоихъ жалованье, онъ рѣшилъ, что ему пора жениться. И съ того часа, какъ рѣшеніе было имъ принято, онъ въ разговорахъ со своими знакомыми развивалъ эту мысль со свойственною ему убѣдительною. Не даромъ же онъ былъ учитель, — онъ любилъ и умѣлъ поговорить, преимущественно на умныя темы.

Складневу казалось, что онъ красивъ и уменъ. Въ этомъ убѣждало его зеркало. Немножко кривое, но все же недурно отражало интеллигентное лицо и пряди темно-русыхъ волосъ на чрезвычайно умномъ лбу.

Его пріятель, чиновникъ контрольной палаты, Никодимъ Матвѣевичъ Сѣтьюловскій, говаривалъ ему басомъ:

— Ты, Колюханъ, человѣкъ головной, мозговикъ, любъ-человѣкъ. Я любъ-человѣкъ, нашъ управляющій ловъ-человѣкъ, а ты, братъ, Колюханъ, любъ-человѣкъ.

Складневъ поправлялъ очки, смотрѣлъ самодовольно, и говорилъ:

— Ума въ себѣ я не отрицаю. Ложною скромностью не зараженъ, и противъ очевидности спорить не стану,—не нахожу нужнымъ. Но въ опредѣленіи основной черты моего характера, ты, дружище Никовѣичъ, ошибаешься. Если бы я былъ таковъ, я бы не ходилъ съ тобою въ такія мѣста.

Такія мѣста — какой-нибудь трактирчикъ, чистая половина.

Складневъ говорилъ:

— Я—человѣкъ увлекающійся. Теперь я учитель, а въ будущемъ году, можетъ быть, я въ Адисъ-Абебѣ на розовыхъ слоновъ охотиться стану. Ты меня, Никовѣичъ, еще не знаешь.

Сѣтьюловскій улыбался, облизывалъ толстымъ и краснымъ, изъ-за красныхъ и толстыхъ губъ, языкомъ сѣрватую на черныхъ густыхъ усахъ пивную пѣну, и говорилъ упрямо:

— Нѣтъ, Колюханчикъ, ты разсудочно натаскиваешь на себя увлеченія. Ты—дипломатъ, хитрюга, проныра, лобовикъ. Тебѣ прямая дорога въ министры заграничныхъ финансовъ.

Сѣтьюловскій не вѣрилъ Складневу, а дамы иногда вѣрили. Иныя простодушныя съ восхищеніемъ смотрѣли на него, когда онъ говорилъ:

— Я, знаете, не люблю этой вашей прѣсной жизни. Мнѣ бы охотникомъ въ преріяхъ быть.

А у самого типично-интеллигентный видъ, какъ бы еще обострялся при этихъ словахъ.

Теперь къ этимъ мечтамъ о преріяхъ онъ вдругъ прибавлялъ слова:

— Мнѣ надо жениться.

— Зачѣмъ же дѣло стало?—спрашивали его.

— Ну, это, знаете ли, не такъ-то просто.

Поправить очки, и смотреть. На очкахъ оправа стальная, но онъ смотритъ такъ важно, что очки кажутся золотыми.

И принимался долго и подробно рассказывать, какая нужна ему невеста.

— Я самъ—человѣкъ увлекающійся, стало быть, мнѣ нужна невеста разсудительная и спокойная, которая могла бы удерживать меня отъ излишнихъ увлеченій.

II.

Долго присматривалъ невесту Складневъ. За нѣсколькими начиналъ ухаживать, и отмѣнять. Все чего-нибудь не доставало. Катя Сорванцова—смѣшлива, Лена Билкина—плаксива, Зоя Изыбина—болтлива, Маня Башенная—молчалива.

Наконецъ на вечерѣ у директора гимназіи познакомился Складневъ съ новою учительницею, Валентиною Петровою. У нея было круглое лицо, сѣрые добродушные глаза и очень мягкая улыбка. Складневу она понравилась, и онъ рѣшился присмотрѣться къ ней, какова-то изъ нея обѣщаетъ быть жена.

И вотъ, присматриваясь, обнаружилъ онъ въ ней многія симпатичныя ему черты. Оказалось, что ей нравятся тѣ же книги, какъ и ему. Что она не любитъ кинематографа. Что она очень хорошо катается на конькахъ. Что она весьма недурно играетъ на фортепьяно. Что у нея пріятный голосъ. Что она любитъ пѣть малороссійскія пѣсни.

Количество симпатичныхъ чертъ увеличивалось. Несимпатичныхъ не замѣчалось. Сомнительная была только одна,—когда Складневъ начиналъ говорить длинно и краснорѣчиво, Валентина Петровна иногда взглядывала на него съ недоумѣніемъ, потомъ опускала глаза, и слегка усмѣхалась. Изъ-за этого Складневъ однажды имѣлъ даже объясненіе съ Валентиною Петровою.

— Чѣмъ я навлекъ вашу насмѣшку?—иронически спросилъ онъ.

Валентина Петровна смутилась, покраснѣла, отвела глаза въ сторону.

— Какъ вы могли это подумать, Николай Ивановичъ?
— сказала она.— Я и не думаю надъ вами смѣяться.

Складневъ говорилъ:

— Я уже не первый разъ замѣчаю, что, когда я начинаю развивать какую-нибудь мысль, болѣе или менѣе меня интересующую, или пытаюсь возможно болѣе убѣдительными доводами обосновать какое-нибудь положеніе, то вы начинаете улыбаться. Такъ какъ я считаю васъ особенно въ высшей степени дѣльною и симпатичною, то я не могу оставить безъ вниманія такого вашего отношенія ко мнѣ, и потому счелъ нужнымъ объяснить, и прямо поставить вамъ вопросъ, что же именно усматриваете вы смѣшного въ моихъ словахъ. Самъ для себя отвѣтить на этотъ вопросъ я не сумѣю, потому что откинувъ въ сторону ложную скромность, я не усматриваю въ моихъ разсужденіяхъ ничего глупаго и смѣшного. Но человѣку свойственно заблуждаться, и со стороны, вообще, лучше видно, а потому я и рѣшаюсь предложить этотъ вопросъ вамъ, въ надеждѣ, что вы разрѣшите мое недоумѣніе.

Валентина Петровна нѣсколько разъ пыталась прервать рѣчь Николая Ивановича, но онъ говорилъ безостановочно, какъ заведенный, и уже наконецъ Валентинъ Петровнѣ стало казаться, что онъ никогда не кончитъ. Ей опять захотѣлось смѣяться, и она съ трудомъ удерживалась отъ улыбки. Къ счастью, Складневъ наконецъ замолчалъ, и тогда Валентина Петровна принялась доказывать, что она улыбается безъ всякаго злого умысла и безъ желанія надъ кѣмъ-нибудь смѣяться, а только потому, что она чувствуетъ себя весело и пріятно. Складневъ не совсѣмъ повѣрилъ ей словамъ, но рѣшилъ, что обижаться не стоитъ, и что улыбка Валентины Петровны, хотя и неумѣстная, показываетъ только ея малую привычку къ серьезнымъ и умнымъ разговорамъ.

Составивъ свое мнѣніе о Валентинѣ Петровнѣ, — достаточно умна, достаточно красива, достаточно спокойна, годится, пожалуй, быть его женою, — Складневъ сталъ провъ-

рять свое мнѣніе, мнѣніемъ другихъ. Онъ систематически освѣдомлялся, какъ относятся къ ней ея сослуживцы, начальство, ученицы, родители ученицъ, знакомые, общество вообще, прислуга. Ну, что-же, всё хорошо отзывались,—милая, веселая, простая, любезная, хорошая учительница, славный товарищъ, превосходный человѣкъ. Всѣ любятъ.

Закончивъ кругъ своихъ наблюдений и справокъ, Складневъ почувствовалъ даже нѣкоторую гордость.—вотъ какъ пріятно обстоитъ дѣло съ его невѣстою. И наконецъ признался въ любви ей, впрочемъ, сначала не ей самой, а своему пріятелю Сѣтьюловскому. Сидя въ трактирчикѣ за пивомъ, онъ обстоятельно разсказалъ ему исторію своего знакомства съ Валентиною Петровною, подробно изложилъ результаты своихъ собственныхъ наблюдений, собранныя о ней справки, и закончилъ рѣшительнымъ выводомъ:

— Мы съ нею пара.

Сѣтьюловскій недовѣрчиво покачалъ головою, и спросилъ:

— Почему?

— По контрасту, — объяснилъ Складневъ.—Я—увлекающійся человѣкъ, она—разсудительная. Я наклоненъ къ расточительности, она бережлива.

Сѣтьюловскій возражалъ:

— Нѣтъ, вы другъ къ другу не подходите. Ты ее зашь своею рефлексією, раздавишь своею разсудительностью, заговоришь своими рѣчами. Она съ тобою не будетъ счастлива.

— Ну, ужъ объ этомъ я позабочусь,—самодовольно сказалъ Складневъ.—А теперь намъ пора уходить. Никовичъ, сегодня, кажется, твоя очередь платить.

— Нѣтъ, увлекающійся человѣкъ, наклонный къ расточительности, — насмѣшливо говорилъ Сѣтьюловскій, — я прошлый разъ платилъ, теперь плати ты.

Складневъ не спорилъ, потому что зналъ, что Сѣтьюловскій говоритъ правду. Но ему было досадно, что не удалась его маленькая хитрость, и что ему не придется себе

речь нѣсколько гривенниковъ, которые могли бы пригодиться въ его бюджетъ, въ виду предстоящихъ свадебныхъ расходовъ.

III.

Складневъ сталъ ухаживать за Валентиною Петровною. Онъ дѣлалъ все, что полагается въ этихъ случаяхъ, все, что онъ зналъ объ этомъ изъ книгъ и изъ собственныхъ наблюдений. Валентина Петровна относилась къ своему ухаживателю съ робкимъ недоумѣніемъ. Ея друзья уже поздравляли ее съ одержанною надъ сердцемъ Складнева побѣдою. Они находили, что это для нея очень хорошая партія. А сама Валентина Петровна не знала, что и думать. Она не могла понять, нравится ли ей Складневъ или нѣтъ. Всѣ его хвалили, отзывались о немъ съ уваженіемъ и съ сочувствіемъ, и она не могла сказать противъ него ничего, но ей какъ-то неловко было думать, что онъ въ нее влюбленъ. Но если не влюбленъ, такъ зачѣмъ же ухаживаетъ?

Наконецъ, однажды Складневъ пришелъ къ ней съ рѣшительнымъ намѣреніемъ. При первыхъ же его словахъ Валентина Петровна почувствовала такой испугъ, что у нея задрожали ноги. Она заплакала и заговорила сбивчиво:

— Благодарю васъ, я не ожидала, извините, это такъ внезапно, позвольте мнѣ подумать до завтра, я теперь не могу.

Складневъ пожалъ плечами, и сказалъ, стараясь скрыть свое неудовольствіе:

— Я не понимаю, о чемъ тутъ думать. Мы такъ подходимъ другъ къ другу, что даже странно было бы сомнѣваться относительно нашей супружеской жизни. Но я понимаю ваше волненіе, и готовъ итти навстрѣчу вашимъ желаніямъ, отложить до завтра рѣшеніе этого вопроса, а теперь удаляюсь.

Едва захлопнулась за Складневымъ выходная дверь, какъ Валентина Петровна бросилась къ своему столу, и то-

репливо, дрожащими руками, разбрызгивая чернила по бумагѣ, написала Складневу письмо, рѣшительный отказъ. Ея ноги еще дрожали, и сердце усиленно билось, когда она позвала молоденькую Кушу, прислуживавшую ей дочь ея квартирной хозяйки, и отдала ей письмо со строгимъ наказомъ итти сейчасъ же, отдать письмо въ собственные руки Складнева, сказать, что отвѣта не надо, и немедленно итти домой. Въ неизъяснимомъ волненіи провела она полчаса, не находя себѣ мѣста, и успокоилась только тогда, когда Куша вернулась и рассказала, что отдала письмо самому Николаю Ивановичу. Тогда Валентина Петровна, припоминая все случившееся сейчасъ, удивилась и своимъ слезамъ, и своему испугу. Ничего же не было страшнаго, или обиднаго,—посватался. что жъ такое!

IV.

Ни съ чѣмъ нельзя сравнить то чрезвычайное удивленіе, съ которымъ прочиталъ Складневъ письмо Валентины Петровны. Онъ хотѣлъ было итти къ Валентинѣ Петровнѣ немедленно, чтобы объясниться и уговорить ее не отказываться отъ своего счастья, но, обдумавъ положеніе, рѣшилъ отложить это до завтра.

На другой день онъ опять пришелъ къ Валентинѣ Петровнѣ. Она почему-то была готова къ его посѣщенію, и разговаривала съ нимъ очень спокойно. Складневъ убѣждалъ ее долго и краснорѣчиво, но Валентина Петровна стояла на своемъ. Складневъ ушелъ ни съ чѣмъ.

Нѣсколько дней онъ чувствовалъ себя выбитымъ изъ колеи. Не зналъ, что дѣлать. Искать другую невѣсту? Но ни одна изъ знакомыхъ дѣвушекъ не казалась ему въ такой же мѣрѣ подходящею для него невѣстою, какъ Валентина Петровна. Онъ пытался завязывать новыя знакомства, но нигдѣ не находилъ ничего подходящаго. Очевидно было для него, что Валентина Петровна должна стать его женою. Онъ возложилъ надежду на время, и понемногу опять началъ ухаживать за Валентиною Петровною.

Ровно через три мѣсяца онъ повторилъ свое предложеніе. Первый разъ это было зимою, теперь весна, другой сезонъ, другія должны быть настроенія. Все должно быть по другому, и потому Складневъ сдѣлалъ свое предложеніе въ уединенной аллѣе городскаго сада, въ бесѣдкѣ, изъ которой открывался очаровательный видъ на рѣку и на поля за рѣкою. Но и на этотъ разъ Валентина Петровна ему отказала.

Для Складнева утѣшительно было то, что теперь Валентина Петровна не плакала и не пугалась, а говорила спокойно. Складневъ рѣшился не терять надежды.

Прошло еще три мѣсяца, опять было шестнадцатое число, какъ и тѣ два раза, но уже было знойное лѣто, и Складневъ съ Валентиною Петровною сидѣли на опушкѣ лѣса, на большомъ стволѣ поваленной бурей старой березы. Другой сезонъ, другая обстановка, другія настроенія, — и рѣчи должны быть другія. Въ третій разъ Складневъ придумывалъ новую форму брачнаго предложенія. Теперь бодрія, оптимистическія ноты звучали въ его голосѣ, — но и это не покорило Валентину Петровну. Она была весела, и уже даже не смущалась, и говорила спокойно:

— Николай Ивановичъ, вы—очень милый человѣкъ, и я васъ сердечно уважаю, но почему же вы думаете, что я должна быть вашею женою? Въ городѣ есть барышни, которыя въ васъ влюблены.

— Кто же, на примѣръ?—съ любопытствомъ спросилъ Складневъ.

— Я вамъ скажу это,—отвѣчала Валентина Петровна, —но не теперь. Теперь вы только вѣдь изъ любопытства это спрашиваете. Но развѣ вы сами не замѣчаете, кто на васъ засматривается?

Валентина Петровна взглянула на свои маленькіе часики, и воскликнула:

— Однако, какъ мы съ вами здѣсь загулялись! Пора домой.

Она послѣшно вышла на дорогу, Складневъ шелъ за нею, и ему было досадно, что разговоръ кончается такъ странно, прозаично, безъ всякаго волненія.

Валентина Петровна, придя домой, призадумалась. Нѣсколько дней она ходила задумчива, неопредѣленные мечтанія разнѣживали ее, а по ночамъ ей снились тревожные сны. Потомъ какъ-то случайно она вспомнила, что предложенія Складнева повторялись ровно черезъ три мѣсяца,—въ январѣ, въ апрѣлѣ, въ іюлѣ. Вспомнила, что даже въ одно и то же число cadaго мѣсяца. Перебрала три будущихъ мѣсяца,—августъ, сентябрь, октябрь,—и засмѣялась про себя, подумавъ, что, навѣрное, шестнадцатаго октября Складневъ придетъ въ четвертый разъ, осенью.

«Но я ни за что за него не выйду»,—рѣшила Валентина Петровна. и на этомъ успокоилась. Перестала думать о Складневѣ. И въ эти три мѣсяца Складневъ мало утомлялъ ее своими ухаживаніями. Рѣшилъ поразить ея воображеніе своею холодною сдержанностью.

V.

Но вотъ и октябрь. Погода ненастная, дождливая. На улицахъ грязно и мокро, въ домахъ уныло. Больше сплетень и злословія, чѣмъ во всякое другое время, и кажется, что никто никого не любитъ. Кажется, что никого и не за что любить.

Валентина Петровна чувствовала себя какою-то непріютною и оброшенною. Въ городѣ знали, что Складневъ уже нѣсколько разъ сватался къ ней,—Складневъ не дѣлалъ изъ этого секрета, разсудивъ, что ему выгоднѣе представить дѣло въ своемъ собственномъ освѣщеніи, чѣмъ ждать, какъ освѣтитъ этотъ случай Валентина Петровна, если вздумаетъ рассказывать о немъ. И всѣ въ городѣ сочувствовали Складневу, и не одобряли поведенія Валентины Петровны. Ея друзья даже посмѣивались надъ нею, называли ее разборчивою невѣстою. И очень совѣтывали не отвергать

Складнева,—ужь такой хорошій человекъ! Особенно по нынѣшнимъ временамъ, когда люди такъ неохотно женятся, и когда дѣвицамъ такъ часто приходится такъ и не найти случая выйти замужъ. Но Валентина Петровна на всѣ убѣжденія отвѣчала:

— Не вижу никакой надобности выходить замужъ. И особенно за Складнева.

— Да вѣдь хорошій человекъ?

— Хорошій, не спору.

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Да не хочу.

Ближайшій другъ Валентины Петровны, маленькая, веселая учительница, Катя Лакатина говорила:

— Ну, это, матушка, капризь. Онъ по тебѣ сохнетъ, можно сказать, а ты капризничаешь. Надо же быть милосердною и сжалиться надъ его страданіями.

Катя смѣялась,—но она всегда и надо всѣмъ смѣялась. Смѣялась не отъ насмѣшливости, а отъ веселости и отъ большого запаса сочувствія къ людямъ.

Вотъ настало и шестнадцатое октября, и Складневъ четвертый разъ пришелъ къ Валентинѣ Петровнѣ все съ тѣмъ же. И это былъ самый сѣрый и дождливый день, какихъ еще ни одного не было въ ту осень. И никогда въ жизни еще не было Валентинѣ Петровнѣ такъ тоскливо, какъ въ этотъ день. Вся ея жизнь представлялась ей въ мрачныхъ краскахъ. Родные, казалось ей, забыли ее, друзья приходятъ къ ней только для того, чтобы весело поболтать за чашкою чая,—а въ трудныя минуты жизни не поможетъ никто. Всѣ любятъ ее, потому—что любить такъ просто и легко, такъ выгодно и прятно, и такъ всѣми похваляется, но вѣдь эта, выражаемая ласковыми словами, любовь, никого ни къ чему не обязываетъ. Можно быть всѣми любимымъ и умереть съ голоду на улицахъ милаго, пріятнаго города, гдѣ живутъ такіе ласковые и привѣтливые люди. Всѣ любятъ, и никто не подойдетъ близко, близко, какъ свой.